

Н. П. ЛИХАЧЕВ О ВЕНЕЦИАНСКОЙ СФРАГИСТИКЕ И ДИПЛОМАТИКЕ

Николай Петрович Лихачев «занимает исключительно выдающееся положение среди ученых гуманитарного профиля» — так аттестовали его академики А. И. Соболевский, Е. Ф. Карский, В. Н. Перетц и С. Ф. Платонов, представляя в 1925 г. к избранию действительным членом Российской Академии наук.¹ И ныне, более чем через 60 лет после того как ученый был лишен возможности работать,² академическая аттестация не утратила силы. Провидчески прав оказался В. Н. Бенешевич, написав в некрологе: «Николай Петрович Лихачев далеко не дал в науке того, что мог и хотел дать; несчастье 1930—1934 гг. застигло его как раз в тот момент, когда он приступил к подведению итогов всей своей работы. Но и сделанного достаточно для того, чтобы обеспечить имени Николая Петровича Лихачева одно из почетнейших мест в истории науки. Широтой и разнообразием своих замислов, самоотверженной энергией в деле их осуществления, умением сосредоточить внимание на главном и важном без ущерба для исследования и мелочей Николай Петрович достиг того, что его труды будут лежать в основе каждой попытки нового освещения ряда труднейших вопросов русской истории, и не только русской».³

Н. П. Лихачев деятельно работал в различных областях исторического знания: истории российского служилого класса, истории древнерусского искусства, источниковедении, дипломатике, палеографии, кодикологии, филиграноведении, археографии, нумизматике, сфрагистике, библиографии, книговедении, архивоведении, музееведении.

Кроме того, Н. П. Лихачев — среди первых в России собирателей произведений древнерусской живописи и памятников церковного искусства, рьяный библиофил, страстный и удачливый коллекционер рукописей, актов и автографов, истовый собиратель печатей, монет и многих других памятников материальной культуры.

Во многих из этих научных дисциплин и культурных занятий он стал зачинателем новых направлений. Немало результатов его полувековой научной деятельности сохраняют свою несомненную ценность, напечатано около 160 работ, однако ряд вполне законченных работ не опубликован донныне.

¹ Соболевский А., Карский Е., Перетц В., Платонов С. Записка об ученых трудах Николая Петровича Лихачева // Изв. АН СССР. Сер. 6. 1925. Т. 19. № 18. С. 847.

² Подробно см.: Климанов Л. Г. Ученый и коллекционер, «известный всей России, еще более Европе» // Репрессированная наука (в печати).

³ Бенешевич В. Н. Николай Петрович Лихачев: (некролог). 5 сент. 1936 г. // ЛО ААН СССР, ф. 192 (В. Н. Бенешевича), оп. 1, д. 69, л. 22.

Одной из главных научных заслуг Н. П. Лихачева безусловно было то, что он явился зачинателем «исторического источниковедения» в России, над созданием которого неустанно трудился всю жизнь, не забегая вперед с выводами и обобщениями, мудро считая, что его специальность — «историческое источниковедение — может спокойно дожидаться оценки потомства». ⁴ «Надо помнить, — излагал он свое кредо исследователя слушателям Археологического института в Петербурге, — что источниковедение есть основа знания, надо помнить, что каждая точно установленная мелочь приближает нас к истине, а самый блестящий общий вывод, в основание которого вкрались непроверенные, ошибочные частности, затемняет истину, и тем сильнее, чем талантливее творец этого вывода». ⁵

Уместно привести слова одного из крупнейших специалистов по отечественной нумизматике А. В. Орешникова, обращенные к Н. П. Лихачеву в июне 1925 г., когда ученая общественность Москвы и Ленинграда почтила его чествованием: «Я чту Вас как замечательного ученого, полного таких знаний, которыми едва ли кто в России обладает. . . Ведь Вы единственный в России, привлечший материальные памятники к научным источникам; все наши историки, думаю, без исключения, кроме книжных и архивных материалов, ничего не знают; Вы же блестяще доказали своими многочисленными исследованиями, как важны памятники материальной культуры». ⁶

Одной из главных сторон выдающегося положения Н. П. Лихачева было то, что он одинаково уверенно, твердо и с большим знанием предмета стоял на почве и русских, и византийских, и западноевропейских источников, хорошо знал и современное состояние изучения Древнего Востока. ⁷ Тщательнейшая источниковедческая подготовка всех его работ рассматривалась им как неременная и обязательная предпосылка права исследователя на выводы и обобщения. Историческое источниковедение было стержневой концепцией всего его научного творчества, проникнутой идеей взаимовлияния культур. Это была глубоко продуманная и осознанная идея: «Тридцать лет я посвятил систематическому собиранию документальных памятников разных эпох и народов, — писал он В. В. Розанову, — в дерзостной мысли создать русскую „дипломатику“, осветив ее в связи с западноевропейской. . . Мне хотелось осветить сферы взаимных влияний Востока и Запада». ⁸ Приверженность этой идее всегда отме-

⁴ Лихачев Н. П. — неустановленному лицу, б. д. // ЛО ААН. ф. 246, оп. 2, д. 62, л. 60.

⁵ Лихачев Н. П. *Дипломатика: Лекции* // Там же, оп. 1, д. 80, л. 170.

⁶ А. В. Орешников — Н. П. Лихачеву, Москва, 9 июня 1922 г. // Там же, оп. 3, д. 210, л. 108 об.

⁷ Интерес к Древнему Востоку возник в студенческую пору, и по окончании Казанского университета молодому кандидату было предложено остаться для приготовления к профессорскому званию по русской истории, всеобщей истории и истории Древнего Востока.

⁸ Н. П. Лихачев — В. В. Розанову, 13/26 августа 1918 г. // ЦГАЛИ, ф. 419 (В. В. Розанова), оп. 1, д. 523, л. 12.

чалась как особенная черта научного творчества Н. П. Лихачева.⁹

Сфрагистика была любимой областью научных изысканий ученого, он рассматривал изучение сфрагистических памятников как достойное приложение сил: «Даже в такой узкоспециальной области как в одной из частей дипломатики — в сфрагистике — делались открытия».¹⁰ Хотелось бы, чтобы таким «открытием» стало для специалистов знакомство с исследованием Н. П. Лихачева о венецианской сфрагистике и дипломатике.

Исследуя памятники сфрагистики, Н. П. Лихачев придерживался той же широкой концепции исторического источниковедения: «В области аутентикации актов памятники сфрагистики уходят в глубь веков и притом при несомненной преемственности и конгломератскрецивающихся влияний, так что современные массивные металлические коробки вислых печатей у трактатов являются прямыми преемницами древнейших булл Южной Месопотамии через хрисулулы Византии».¹¹ Работы Н. П. Лихачева в области русской, византийской и древневосточной сфрагистики, для которых им был собран весьма внушительный по количеству и представительный по охвату фонд печатей (местами хранения которого ныне являются Исторический музей, Эрмитаж и Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР), хорошо известны, получили признание и снискали ему чрезвычайно почетную репутацию «русского Шлюмберже».¹²

Глубоко интересуясь «преемственностью» и «влияниями» в области сфрагистики, Н. П. Лихачев никак не мог пройти мимо венецианской сфрагистики, основательно изучал печати венецианского происхождения. Для этого им собрано более 80 отдельных вислых печатей XI/XII—XVIII вв. (сохранилось 78 печатей, в том числе 10 серебряных)¹³ и 50 вислых печатей при документах его коллекции актов, рукописей и автографов.¹⁴ Собранные 130 образцов венецианских дожеских вислых печатей составили представительный и достоянный источниковый фонд для изучения Н. П. Лихачевым важного сциллографического и, шире, исторического сюжета —

⁹ См.: *Веселовский Н. И.* Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие. М., 1915. Т. II. С. 206; Поздравление от Общества истории и древностей российских, оглашенное на юбилейном в честь Н. П. Лихачева заседании в Академии истории материальной культуры 29 мая / 11 июня 1922 г. // ЛО ААН, ф. 246, оп. 2, д. 21, л. 4.

¹⁰ *Лихачев Н. П.* [Рец. на публикацию]: Pietro Sella. Le bolle dell'Archivio Vaticano (в серии «Inventari dell'Archivio Segreto Vaticano»). Città del Vaticano. Biblioteca Apostolica Vaticana. MDCCCXXXIV. 4". 69 с. XXXVII табл. Май 1935 г. Автограф // ЛО ААН, ф. 246, оп. 1, д. 169, л. 2.

¹¹ *Лихачев Н. П.* Музей палеографии. Л., 1925. С. 1.

¹² См.: *Бенешевич В. Н.* Николай Петрович Лихачев. С. 25. — Н. П. Лихачев состоял в научной переписке с Г. Шлюмберже, обменивался с ним публикациями, посвятил ему специальный научный доклад.

¹³ Архив ЛОИИ СССР АН СССР, западноевропейская секция (в. е. с.), кол. 54, оп. 2.

¹⁴ Там же, кол. 6, карт. 186, д. 9, 22, 32; карт. 187, д. 1, 2, 7, 15, 16, 18; карт. 188, д. 1, 6; карт. 189, д. 3, 5, 6, 9—11, 14; карт. 190, д. 2, 5, 6, 8, 10, 12—16, 19, 22; карт. 191, д. 1—6, 9, 10, 12, 13, 15, 16, 19; карт. 192, д. 3, 7—11, 15.

истории венецианской государственной печати, каковой именно и являлась дожеская.¹⁵

Основающее знание венецианской сфрагистики запечатлелось и в лекциях по дипломатике, читанных им в Археологическом институте в Петербурге (где он в 1894 г. занял первую в России кафедру дипломатики и читал лекции до 1925/26 г., когда институт уже стал частью университета). В подготовку лекций, как это явствует и из их насыщенного знаниями и идеями текста (опубликованного лишь частично, в записях слушателей и изложениях), и из собственных свидетельств Н. П. Лихачева, было вложено много труда: изучение литературы, зарубежных музеев и коллекций, собрание собственной коллекции. Раздел о венецианской сфрагистике появляется в лекциях в первые годы XX в.: «Венецианская сфрагистика. Моливдовулы с древности. Сохранившиеся оригиналы с XII столетия и вплоть до падения республики в исходе XVIII века. Хронологическая смена шести типов (и вариантов). Венецианские хрисовулы, их редкость. Венецианские аргировулы из тонких пластинок. Употребление их рядом с моливдовулами».¹⁶

Интерес к венецианской сфрагистике сам Н. П. Лихачев, научные интересы которого лежали в области русской истории и в связи с ней византийской, объяснял тем, что государственное управление Венеции сильно византизировало, «то есть привешивали к документам свинцовые печати. Особенно, — подчеркивал он, — в этом отношении примечательны обычаи Венеции, которая сохранила этот обычай свинцовых булл до самого своего падения. Венецианцы работали usus печатей трех сортов: 1) свинцовых, 2) серебряных и 3) в виде редкого исключения — золотых. . . Венецианцы не золотили серебряных печатей».¹⁷

Блестящее знание европейских музейных собраний и частных коллекций в сочетании с профессиональным умением работать с научной литературой послужило прочным основанием для того, чтобы на основе собранных им самим печатей проделать специальное исследование венецианской сфрагистики, донныне ценное и как научная работа, и как превосходное описание сфрагистической коллекции, сохранившейся практически полностью.

¹⁵ Доказательным сравнением могут служить убедительные научные результаты, которые были получены Н. П. Лихачевым при многолетнем изучении значительно более сложной и разнообразной византийской сфрагистики на материале собранных им моливдовулов греческого Востока (несмотря на то что какое-то количество печатей утрачено при «несчастье с кражей»). Более чем через 60 лет после того как работа исследователя над этим материалом была прекращена не по воле ученого, «Моливдовулы греческого Востока», подготовленные многолетними трудами А. В. Банк и В. С. Шандровской, в полном виде достигли печатного станка.

¹⁶ Лихачев Н. П. Дипломатика: Лекции 1904—1905 гг. // ЛО ААН, ф. 246, оп. 1, д. 82, л. 117; см. также: [Лихачев Н. П.] Программа лекций по западно-европейской дипломатике и сфрагистике проф. Н. П. Лихачева, предложенная. . . в 1923—24 учебном году. 23 декабря 1923 г. // Там же, оп. 2, д. 60, л. 35—36.

¹⁷ Лихачев Н. П. [Рецензия на публикацию]; Pietro Sella. Le bolle dell' Archivio Vaticano. Л. 3.

Это исследование, по всей вероятности, было подготовлено в 1920 г. В начале февраля этого года Н. П. Лихачев, ставший в 1919 г. ученым сотрудником Академии истории материальной культуры, был командирован в Москву для работы в музеях и библиотеках и взял туда для доработки свой многолетний труд «Обзор материалов для хронологического распределения миниатюр славянских и русских рукописей», черновые материалы к нему, исследования по византийской сциллографии, многие оригиналы византийских печатей и некоторые другие рукописи, среди которых, судя по косвенным данным, было и исследование по венецианской сфрагистике. В апреле ученый возвращается в Петербург, и здесь на Николаевском вокзале его постигает «несчастье с кражей» — у него был украден чемодан со всеми материалами. Надо ли говорить, сколь тяжелым оказался этот удар для человека, единственным утешением которого в холодное, голодное и тревожное время была его научная работа. А. В. Орешников утешал и подбадривал: «На что вору рукописи Ваши? Разве „цыгарки“ вернуть? Но бумага Ваша плотная и едва ли пригодится для этой цели. Печати он без сомнения бросит. . . Мужайтесь и надейтесь, не падайте духом».¹⁸

В 1922 г. Н. П. Лихачев возобновил подготовку сфрагистических памятников византийского периода для задуманного еще в конце минувшего столетия издания и, по всей видимости, в связи с ним вновь обратился к работе над венецианскими печатями. Подготовившись с присущей ему тщательностью, 9 и 16 марта 1923 г. он докладывает в двух заседаниях разряда раннехристианской и византийской археологии и искусства Академии истории материальной культуры реферат «О венецианской сфрагистике»,¹⁹ «в котором сделал систематическое обозрение печатей Венецианской республики, по типу своему представляющих продолжение и видоизменение византийских образцов; изучение сфрагистических памятников Венеции было сделано в связи с венецианской дипломатикой и ее практикой в сфере скрепления документов».²⁰ Это последнее указание Н. П. Лихачева дает нам основания и для формулировки заголовка данной статьи.

Положение венецианской сфрагистики в историографии, определенное Н. П. Лихачевым как «скудость литературы общей, полное — в русской»,²¹ за истекшие без малого семь десятилетий существенно изменилось применительно к зарубежной историографии — это ныне хорошо изученная область, дальнейшая разработка кото-

¹⁸ А. В. Орешников — Н. П. Лихачеву, Москва, 2/15 мая 1920 г. // ЛО ААН, ф. 246, оп. 3, д. 210, л. 98—99 об.

¹⁹ Протокол № 75 (9) заседания разряда раннехристианской и византийской археологии и искусства Академии истории материальной культуры от 16 марта 1923 г. // Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, 1923 г., д. 16, л. 18—24 об. — Подготовительные материалы к реферату: Лихачев Н. П. Буллы // Архив ЛОИИ СССР АН СССР, з. е. с., кол. 55, д. 1, 71 л.

²⁰ Лихачев Н. П. Отчет о работе [в Академии истории материальной культуры] в 1923 г. // Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, оп. 1, 1924 г., д. 17, л. 18.

²¹ Лихачев Н. П. Буллы. Л. 2.

рой ожидает лишь новых материалов.²² Но в отечественной историографии исследование Н. П. Лихачева продолжает оставаться единственной работой, посвященной специально венецианской сфрагистике.

С этой точки зрения исследование Н. П. Лихачева оказывается нужным и в своей источниковедческой и исследовательской части бесспорно неустаревшим. Оно представляет собой образцовое частное исследование по вспомогательной исторической дисциплине. В нем сугубо сигиллографические сюжеты тесно соединены с дипломатикой, из которой лишь незадолго до того выделилась сфрагистика, а сложность предмета сочетается с простотой изложения и стиля.

Исходной исторической позицией Н. П. Лихачева в этой работе является его взгляд на взаимосвязь и взаимовлияние Византии и Запада, в частности Венеции. Читая монографию М. С. Корелина «Ранний итальянский гуманизм и его историография», он не перестает удивляться тому обстоятельству, что вопреки собственным источникам автор упорно не замечает греческих (т. е. византийских) истоков Возрождения, очевидных для Н. П. Лихачева.²³

Взаимоотношения Византии и Запада продолжают оставаться одной из важных, ключевых тем европейской истории.²⁴ Н. П. Лихачев в пределах обсуждаемого здесь сугубо сигиллографического и дипломатического сюжета затрагивает и прослеживает лишь одну, небольшую линию этих взаимоотношений, а также обращается в своих размышлениях к культурной роли документов и печатей, шире — канцелярий, а эта тема в наши дни продолжает интересовать историков.²⁵ Трактую свой сюжет, ученый не претендует на разработку более широкой задачи — соотнесения классификации вене-

²² *Bascapé G. C. Sigilli della Repubblica di Venezia: Le bolle dei dogi. I sigilli di uffici e di magistrature // Studi in onore di Amintore Fanfani. Roma, 1962. T. 1. P. 93—103; Sigillografia: Il sigillo nella diplomazia, nel diritto, nella storia e nell'arte / G. C. Bascapé, M. Welber. Milano. Vol. 1—3. 1969—1984.*

²³ [Заметки Н. П. Лихачева к кн.: *Корелин М. С. Ранний итальянский гуманизм и его историография. 1-е изд. М., 1892*] // ЛО ААН, ф. 246, оп. 1, д. 193, л. 1—40.

²⁴ *Соколов Н. П. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963. С. 177—179, 281—309; Сюсюмов М. Я. Некоторые проблемы исторического развития Византии и Запада // Византийский временник. 1973. Вып. 35. С. 6—7; Bisanzio, Roma e l'Italia nell'alto Medioevo: 3—9 aprile 1986. Spoleto, 1988; Guillou A. L'Italia bizantina: dall'esarcato da Ravenna al tema di Sicilia. Torino, 1988; Borsari S. Venezia e Bisanzio nel XII secolo: i rapporti economici. Venezia, 1988; Gill J. Venice, Genoa and Byzantium // Byzantinische Forschungen. 1985. Bd X. S. 57—74; Nicol D. M. Byzantium and Venice: A study in diplomatic and cultural relations. Cambridge, 1988.*

²⁵ *Cancian P. Documenti e sigilli come veicoli di cultura «minor» di corte // Guacomo Jaquero e il gotico internazionale. Torino, 1979. P. 106—115; Кашинов С. М. IV Международный конгресс по дипломатике // Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 339 (доклады Л. Мезен и Д. Бонниа о канцелярии как факте культуры); Cancelleria e cultura nel medio evo: comunicazioni presentate nelle giornate di studio della Commissione [internazionale di diplomatica] Stoccarda, 29—30 agosto 1985, XVI Congresso internazionale di scienze storiche / A cura di G. Gualdo. Città di Vaticano, 1990.*

цианских дожеских печатей и особенностей венецианской дипломатии с ходом политической истории Венеции, несомненно достаточно хорошо ему известной. Не коснулся он и другого важного обстоятельства, значение которого отчетливо понимал: «Тесную связь имеет дипломатика с историей права в том отделе, где она изучает лица и учреждения, из которых проистекали акты. Исследование древних канцелярий правительственных учреждений, учреждений судебных и административных, как центральных, так и провинциальных, должно входить в состав дипломатического курса. В детальных исследованиях по вопросу о таких мелочах, как столы, повытья, подьячие, писцы и т. д., пожалуй, и можно найти трудноуловимую границу между изысканиями историко-правовыми и дипломатическими, которые совмещают в себе и элементы бытовой картины, освещающей появление того или иного другого акта».²⁶

Но ценность всякого добротного научного результата не ограничивается им самим. Он побуждает к дальнейшим размышлениям, стимулирует. Размышляя над классификацией типов венецианских дожеских печатей и интереснейшими сфрагистическо-дипломатическими наблюдениями, представленными в реферате, видим, что смена типов печати, зафиксированная хронологически — через обозначение догатов (по правлениям дождей), — непосредственно отражает и движение исторической реальности, истории венецианского государства. Отражает через историю важнейшего института венецианской государственной жизни — канцелярии дожеского дворца, выяснение исторического места которой в венецианском государстве поставлено как исследовательская задача лишь в последнее время,²⁷ хотя как задача общесториографическая изучение канцелярий осознано достаточно давно, о чем свидетельствуют и вышеприведенные слова Н. П. Лихачева. Отражает через историю канцелярского обихода и делового ритуала, в том числе тех их сторон, которые входят в область изучения дипломатики и сфрагистики. Отражает через государственную символику: изображение на лицевой стороне государственной печати и святого покровителя Венеции евангелиста Марка,²⁸ и выборного пожизненного главы государства дожа в строго определенных позах и взаимном расположении.

О какой исторической реальности, отраженной в перечисленных проявлениях, идет речь? Венеция, едва осознав себя способной стать самостоятельным государством, проявила целенаправленное стремление обрести реальный суверенитет, который достигался, разумеется, политическими средствами, но закреплялся атрибутами

²⁶ Лихачев Н. П. Лекции. 1904 г. // ЛО ААН СССР, ф. 246, оп. 1, д. 81, л. 117—118.

²⁷ Trebbi G. La cancelleria veneta nei secoli XVI e XVII // *Annali della Fondazione Luigi Einaudi*. 1980. Т. 14. Р. 66—125; Климанов Л. Г. *Cor nostri status*: историческое место канцелярии в венецианском государстве // *Политические структуры эпохи феодализма: VI—XVII вв. Л.*, 1990. С. 81—106.

²⁸ О развитии культа св. Марка в Венеции см.: *Lebe R. Als Markus nach Venedig kam: Aufstieg und Staatskult der Republik von San Marco*. Frankfurt am Main, 1978.

престижа. Молодое растущее государство постепенно и последовательно присваивало себе регалии, стремясь через них приобрести статус, ставящий Венецию наравне с обеими империями, западной и восточной, папой и другими европейскими суверенами. Поэтому наряду со шпагой, перстнем дожа (связанным с ритуалом обручения с морем), его же зонтом, трубой дожеского трубача важнейшим фундаментальным символом политического суверенитета Венеции были свинцовые печати — такие, какие употреблялись в канцелярском обиходе византийских императоров, пап, итальянских герцогов, норманнских князей.

Замещение символов шло главным образом из византийского императорского ритуала, ведь венецианский суверенитет создавался и укреплялся именно преодолением отношения пиегета к Византии, да и коренные экономические интересы правящей венецианской социальной группы, со временем конституировавшейся как сословие, издавна были обращены на Восток.

Не вдаваясь в специальный разбор исторического развития элементов венецианской государственной символики, остановимся на некоторых обстоятельствах, связанных с предпоследним, пятым, типом венецианской дожеской печати и не освещенных Н. П. Лихачевым. Именно в этом типе при сохранении унаследованной от византийского образца формы произошло содержательное изменение всех элементов печати. Этот тип вводится в обиход дожеской канцелярии в догат Франческо Фоскари (1423—1457), когда Венеция, приобретя обширные владения на Тераферме, превратилась в крупное итальянское территориальное государство, что наряду с изменением политической обстановки в Восточном Средиземноморье привело к перерождению венецианской политики и ее вовлечению в систему европейских государств. Этот определяющий для дальнейшей истории венецианского государства период характеризовался и показательными изменениями в обиходе государственной жизни. В ритуале это проявилось в замене в государственных документах прежнего «я» царственным «мы» и во введении одним из ближайших преемников Ф. Фоскари Николо Марчелло (1473—1474) роскошных элементов в одеяние и принадлежности дожеского наряда.²⁹

Вид дожеской печати в догат Ф. Фоскари подвергся очевидному гуманистическому воздействию. Это и новый тип шрифта на оборотной стороне печати, и, самое главное, смена обезличенного статуарного изображения дожа, с бородой и в стилизованных византийских одеждах, индивидуализированным, имеющим портретное сходство изображением. Дож изображается одетым в одежды, которые носит в реальной жизни, меняется и субординированное положение дожа по отношению к св. Марку. Очевидно, в связи с приобретением дожем на печати портретного сходства приходится иначе взглянуть и на процесс изготовления матрицы для печати, и на саму личность резчика матрицы, «буллатора». Ремесленника должен был сменить художник. Это важно отметить, поскольку Н. П. Лихачев особо инте-

²⁹ *Mutr E. Il rituale civico a Venezia nel Rinascimento. Roma, 1984. P. 299.*

ресовался в каждом конкретном случае лично³⁰ мастером резчика матрицы.³⁰

Ниже в приложении публикуется исследование Н. П. Лихачева о венецианской сфрагистике и дипломатике. Выдающийся ученый, как известно, много труда на протяжении своей научной деятельности, начиная с середины 80-х гг. прошлого столетия, вкладывал в подготовку рефератов и докладов, однако лишь малая их часть в том или ином виде опубликована. Сохранившиеся в архиве подготовительные заметки к реферату и добротная запись текста доклада в протоколе, содержащая собственноручную правку докладчика, дают возможность опубликовать это не утратившее научного значения исследование, являющееся лишь частью неизданного наследия академика Н. П. Лихачева. Возможность ввести в фонд отечественной науки пусть небольшой и посвященный узкому вопросу реферат, вместивший, однако, много кропотливого труда по собиранию и научной обработке обширного материала, мы с удовлетворением используем.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Н. П. Л И Х А Ч Е В

БУЛЛЫ *

Задача реферата. Скудость литературы общей, полное отсутствие — в русской. Материал. Почему медлил с работой. Византийская эпоха и ее сфрагистика. Отражение ее в Западной Европе. Предмет другого доклада. Вопрос о Венеции. Отсутствие древнейших булл (Schlumberger). Происхождение обычая венецианских булл (Bresslau). Типы свинцовых булл (всего 6). К чему прикладывались: 1) открытые листы — с веревочкой, 2) открытые листы — со шнуром. Вопрос об орнаментике.

Закрытые листы-письма: 1) приказы с веревочкой. Как открывать. Подделка (турки); 2) письма к высоким особам (также без подписей) и обычная форма. Печати чиновников (Крит). Минута? Пожалование по просьбе Bembo — Marino, Sanudo. Сер^себ^ря^ные и зол^отые печати. Ducali. Вопрос об автографах.

³⁰ Лихачев Н. П. [Рецензия на публикацию]: Pietro Sella. Le bolle dell' Archivio Vaticano. Л. 1—2.

* Публикация и примечания Л. Г. Климанова. Публикация осуществлена по собственноручному тексту Н. П. Лихачева (Архив ЛОИИ СССР АН СССР, з. е. с., кол. 55, д. 1) и дополнена текстом протокольной записи доклада, сделанного Н. П. Лихачевым в Академии истории материальной культуры; в протокольной записи имеется ряд мест, отсутствующих в собственноручном тексте. Эти дополнения взяты в публикации в квадратные скобки. Раскрытые сокращения даются в угловых скобках. Сноски Н. П. Лихачева обозначены буквами.

Печати Иоанна Градениго с 1105 по 1130, в 1112 перенес престола в Венецию «Patriciaratus Veneticus» — свержен за то, что пристал к антипапе — в 1130 году.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ДРЕВНЕЙШЕЕ ПОЛЬЗОВАНИЕ БУЛЛАМИ В ВЕНЕЦИИ

[Венецианская сфрагистика связана со сфрагистикой византийской и из нее выросла — явление понятное, если принять во внимание вообще византийские влияния в Венеции, которая была как бы одним из пограничных городов Византийской империи или ее пограничной областью. Так можно характеризовать Венецию не только в пору Равеннского экзархата, но это до известной степени справедливо и в отношении последующего времени. Должность венецианского дожа в своем происхождении идет от венецианского дуки, некоторые из венецианских дождей носили титул ипатов, один — протоспафария. В отношении к позднему периоду заслуживает быть отмеченным свидетельство Анны Комнины о том, что Алексей Комнин заботился об украшении венецианских церквей, так что и в эту эпоху Византия еще не отказалась от известного патронирования Венеции, по крайней мере в духовных делах.³¹

Происхождение венецианских булл в эпоху Возрождения связывалось с папским пожалованием). Флорентийцы в 1409 г. обратились к папе Александру V с просьбой³² дать им право на свинцовые печати, как папа Александр III дал венецианцам: «sugello di piombo col (ca)pare com' eberro i Vinitiani dal papa Alexandro III». ⁶³² Явная

³¹ Paoli C. Programma scolastico di paleografia e diplomatica. III: Diplomatica. Firenze, 1898. P. 238—239.

⁶ Такую буллу Флоренция разрешил папа Лев X в 1515 году, и ею пользовались Медичи. Во Флоренции имеется диплом с буллой 1726 г. (см.: Paoli C. L. с. P. 240).

³¹ В конце 30-х гг. IX в. Венеция воспользовалась внутренним состоянием Византии и не только переименовала свое название «провинция» на «дукат», но и добилась признания этой перемены со стороны западной империи, которая отказалась от попыток распространить свою верховную юрисдикцию на дукат. Венеция начинает вести самостоятельную политику на Адриатике. Для Византии «Венеция превратилась в X в. в союзника, услуги которого приходилось дорого оплачивать» (Соколов Н. П. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963. С. 180). Становится понятным, почему Алексей Комнин предоставил венецианцам огромные торговые льготы и приказал ежегодно выдавать из императорской сокровищницы всем венецианским церквям значительную сумму золотых денег. Он сделал также данниками церкви евангелиста апостола Марка всех амальфитян — владельцев лавок в Константинополе и т. д.» (Комнина Анна. Александрия. М., 1965. С. 184). Хрисовул Алексея 1082 г., о котором ведет речь Анна, подтверждали и хрисовулы последующих императоров 1126, 1147, 1148, 1186, 1187 гг. (Tafel G. L. F., Thomas G. M. Urkunden zer älteren Handels-und Staatsgeschichte der Republik Venedig. Wien, 1856. Th. 1. S. 52, 95—98, 109—113, 113—124, 195—204, 206—211). Русский перевод хрисовула Мануила 1148 г. см.: Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1957. С. 215—218.

³² Ссылка на Александра III понятна, итальянцам крепко запомнилось соглашение этого папы и императора Фридриха, заключенное при деятельном посредничестве Венеции, получившей за свою услугу Италии суверенитет над Адриатикой севернее линии Анкона—Задар.

ошибка, папа Александр III был с 1159 по 1181 год, венецианские буллы начались раньше. В анналах Птолемея из Лукки (Tolomeo da Lucca) под 1064 годом записано, что папа Александр II предоставил луккской республике право пользоваться свинцовыми буллами в качестве печатей, какое имеет венецианский дож: «Eodem anno Alexander civitatem Lucensem multa dignitate nobilitat, nam primo tribuit ei bullam plumbeam pro sigillo, ut habuit dux Venetiarum».³³

Может быть, такие буллы в Лукке и были, но они не сохранились, а папа Александр был с 1061 по 1073 год, и, следовательно, известие переносит употребление булл в Венеции на столетие раньше. [Новейшие дипломатисты, например] Bresslau, справедливо объясняют буллы происхождением их из Византии.³⁴

[Самый факт существования свинцовых печатей указывает на византийское влияние; далее — старейший тип венецианской печати есть несомненно деривация византийских хрисовулов. Папская сфрагистика и дипломатика тоже должны быть связаны с византийскими, хотя быстро теряют византийский облик. Влияние Византии проявляется главным образом на юге Италии, в Неаполе, в Сицилии, на о. Мальта — там встречается греческий тип печати с греческими надписями. Короли Лангобардии и герцоги Беневента также употребляют буллы византийского типа. Обычай свинцовых печатей, утвердившийся в Византии в V веке, получает в VI необыкновенное распространение на Западе, под влиянием Византии].

Старейшие типы булл дожей: 1) с богородицею; 2) св. Марк сидящий отдает бандьеру дожу — стоящему (NB 1166 — коленопреклоненному!); 3) св. Марк без тиары, сидящий, положение [дожа [и святого евангелиста обратное, начиная с Orio Malipiero (1178—1182)]; 4) св. Марк в тиаре (митре), встал с кресла, в левой отведенной руке открытое евангелие. Это второй тип печати Rainerii Zeno (1253—1268); 5) тип Ф. Фоскари — малый, ок. 1450, дож маленький в новом облачении; 6) шестой тип, опять перестановка, при Andrea Vendramini 1476—1478 и остается до конца.

[В своде Schlumberger мы не найдем ни одной буллы чисто византийского периода.³⁵ Однако упоминание о такой булле] (древнейшее упоминание буллы Венеции) [мы находим в источнике XVI в.]: «Donati Jannotii Reipublicae Florentinae a secretis, dialogus de Republica Venetorum, cum notis Nicolai Crassi» — в «Thesaurus antiquitatum et historiarum Italiae» (t. V, pars I, p. 34), [где есть указание на один] диплом, [дававший право иммунитета] за услуги во время войны с королем Пипином (810 г.). [На этом дипломе была

³³ Птолемей из Лукки (умер в 1327 г.) был епископом Торчелло (Венеция) в 1318—1327 гг. и учеником Фомы Аквинского, продолжившим его сочинение «О правлении государей», где особо отметил «не тираническое» правление венецианского дожа (Divi Thomae Aquinatis De Regimine principum / Cur. J. Mathis. Torino, 1948. P. 75—76).

³⁴ Bresslau H. Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. Leipzig, 1889. Bd 1. S. 935.

³⁵ Schlumberger G. Numismatique de l'Orient latin. Paris, 1878.

подвешена булла с изображением божьей матери и с именем дожа: | «*Diploma immunitatis hujus admodum insigne, paucis ante annis conspiciebatur bulla, quem modo vocant, plumbea communitum, in qua Deiparae Virginis effigies impressa, et Beati Ducis nomen inscriptum erat: nondum enim D. Marcus evangelista Patronus fuerat a Venetis adoptatus, quod eius corpore Alexandria Venetias translato post aliquot annos contigisse novimus. Per incuriam et negligentiam eorum qui collegio illi praeerant, praeclarum hoc monumentum desideratur. . . Superest adhuc tamen quaedam syngrapha, quae docet, diploma illud examinatum fuisse et corroboratum: Ducemque Raynerium Zenum et Consiliarios subscripsisse*».³⁶

Таким образом, в XVI—XVII ст. (N. Crasso жил 1586—1655)³⁷ был в архиве список с этого замечательного документа, относящийся к XIII веку (дож Raynerius Geno (=Zeno) был от 25 янв. 1253 по 7 июля 1268 г.). Думается, что Чекетти³⁸ указал бы на этот акт XIII столетия, а не на выписку из Muratori,³⁹ если бы и эта копия сохранилась до нашего времени.

От половины XII века сохранились указания на буллы. На акте — «*Pactum et concordia civium Pole quod fecerunt domino Dominico Mauroceno incliti Duci Venetiarum et eius successoribus per D(ominicum) Maurocenum filium suum et M(arcum) Gradonicum stoli capitaneos*» — нотариальная формула такая: «*Ego Viuianus scriptor notarius et iudex domini Henrici dei gratia inuictissimi romanorum imperatoris, autenticos istos cum tribus sigillis cere sigillatis et unum sigillum de plumbo posito per prememoratum ducem uidi*» etc.⁴⁰ Dominicus Mauroceno был дожем с 1148 по февраль 1156 года.

³⁶ В. Cecchetti: «*Bolle dei dogi di Venezia sec. XII—XVIII*» (Venezia, 1888, продолж. 8°). См. стр. 6.

³⁷ В. Cecchetti. Л. с.; «*Pacta*», I, 138t.—140.

³⁸ *Thesaurus antiquitatum et historiarum Italiae / Digeri olim coeptus cura et studio Joannis Georgii Graevii cum prefationibus Petri Burmanni. Lugduni Batavorum, 1722. T. 5. Quo continentur optimi quique scriptores, qui Regionum et urbium juris Veneti confiniumque populorum ac civitatum res antiquas. Pars 1. P. 34.*

³⁹ Никколо Крассо, знаток венецианских дел, оставил примечания не только к диалогу Донато Джаннотти, но и к известному сочинению кардинала Гаспаро Контарини «О Венецианской республике», а также два собственных провенецианских сочинения, опубликованных первоначально при жизни автора, а затем помещенных в указанном в примеч. 36 «Тезаурусе» И. Гревия, изданном П. Бурманном.

⁴⁰ Чекетти Бартоломео (1838—1889), архивный деятель, с 1876 г. директор и суперинтендант архивов области Венето, автор многих работ по архивному делу, вспомогательным историческим дисциплинам. Со времени основания в 1871 г. «Венецианского архива» постоянный сотрудник этого научного журнала (*Prete P. Cecchetti Bartolomeo // Dizionario biografico degli italiani. Roma, 1979. T. XXXIII. P. 227—230*).

³⁹ Имеется в виду труд итальянского эрудита и публикатора Лодовико Муратори.

Австрийский ученый (он занимался и антикварной торговлей и выпустил два очень любопытных каталога монет и булл)¹ Карл Кунц (Carlo Kunz), директор Музея в Триесте, издал в журнале «Archeografo Triestino» (v. VI, p. 50, 57 (e tavola). Trieste. Hermanstorfer. 1878) буллу дожа Pietro Polani (1130—1148), сохраняющуюся в Музее Триеста. Экземпляр, изданный Кунцем, по-видимому, очень плохой сохранности, и рисунок (начертания букв и самых фигур) подправлены. В. Cecchetti, воспроизводя его, под № 1 отмечает: «Per verità dal diligente disegno che il Kunz ne ha inciso, saremmo quasi indotti a dubitare della sua autenticità; se, e la fede di quel fino conoscitore della numismatica veneziana che egli era, e le vicende a cui forse soggiacque quella bolla; non potessero valere a farla accettare come vera, anche se, e nella parte figurativa e nella forma delle lettere della scritta, essa offrì materia a qualche piccola osservazione» (p. 6). Отзыв, как видим, очень неутешительный.

На булле изображен св. Марк, сидящий, подающий бандьеру стоящему дожу. Это будет второй тип буллы, если первым считать буллу с изображением богородицы. Другой экземпляр издан греческим ученым Н. Яннопулосом в «Byzantinische Zeitschrift»⁴¹ с ошибочным чтением, которое поправлено автором.⁴²

Отсутствие экземпляров булл древнейшего типа, зарисованного Кунцем, заставляло относиться скептически к подлинности триестского экземпляра. Мне удалось достать фрагмент этого типа, еще хуже сохранившийся, чем известные два, из надписи можно разобрать только Dei gratia, но за то сторона с изображением, подтверждая рисунок Кунца, уничтожает впечатление грубости работы и дает композицию в хорошем выполнении: сидящий св. Марк передает правой рукой бандьеру стоящему дожу, который и берет за древко также правой рукой. Св. Марк без тиары, которая появляется в XIII веке на булле (2-й тип) Райнерия Зено (или Geno). [По работе фрагмент несравненно лучше, чем экземпляр, изданный Кунцем.⁴³

¹ 1) «Primo catalogo degli oggetti di numismatica vendibili presso Carlo Kunz in Venezia, calle Fiubera, N 945: Monete Venete» (Venezia, 1855, pet. 8°), с прекрасно вырезанной таблицей неизданных памятников. Под № 791—807 свинцовые буллы дождей, начиная с Michele Steno и под № 808 и 809 — серебряные буллы Alvise Mocenigo IV и Paolo Renier. Цен не проставлено. 2) «Secondo catalogo di oggetti di numismatica vendibili presso Carlo Kunz in Venezia, calle Fiubera, N 945: Monete Bizantine, monete di principi occidentali in Oriente ecc.» (Venezia, 1855. 8°), с двумя превосходно вырезанными таблицами неизданных монет. Под № 498—511 «Bolle Bizantine in piombo». Цены нигде не проставлены. Оба каталога весьма редки.⁴⁰

⁴⁰ По рисункам К. Кунца вырезаны также 16 таблиц с изображениями венецианских монет (по XV в.) и отдельные изображения в тексте 11 венецианских дожеских печатей в кн.: Papadopoli N. Le Monete di Venezia. (Coi disegni di C. Kunz). Venezia, 1893.

⁴¹ Γιαννόπουλος Ν. Ἰ. Μολυβδόβουλλα προερχόμενα ἐκ τοῦ Νοτίου Μεσαιωνικοῦ Ἀλκυρόν // Byzantinische Zeitschrift. 1908. Bd XII. S. 136.

⁴² Lichačev N. P. Zu den Bleibullen aus Halmyros // Ibid. S. 674.

⁴³ Архив ЛОИИ СССР АН СССР, з. е. с., кол. 54, оп. 2, № 1.

Далее мы имеем указание на буллу Vitale Michiel при документе 1166 г.] Andrea Gloria в «Compendio» (1870) ссылается на Romanin: «Il Romanin ne cita una del 1166 applicata al diploma del doge Vitale Michiel, in cui eleggeva suo filio Nicolò a conte d'Arbe» (p. 471).⁴⁴ Этой буллы в настоящее время не сохранилось (см. Cecchetti, p. 10). О том, что на не дошедшей до нас булле Vitale Michiel (1156—1172) при документе 1166 года (см. у Cecchetti, l. c. p. 9—10) NB «Ducis genibus nitentis» в описании 1247 г. (повторено в 1487 г.), позволяет думать, что действительно на этой булле дож преклонял колена. Писец XIII в. (=1247 г.) не мог впасть в заблуждение из-за золотых цехинов, на которых дож действительно коленопреклоненный. Золотые стали чеканиться лишь с 1284 года. [Если так, то этот тип надобно считать промежуточным между типом Pietro Polani и третьим типом печати].

После Pietro Polani (1130—1148) древнейшие сохранившиеся буллы: 1) Sebastiano Ziani (1172—1178) в нумизматическом кабинете в Торине (рисунок не издан). 2) Orio Malipiero (1178—1192) в том же хранилище и в собрании графа Nicolò Papadopoli. См. В. Cecchetti, № 2. 3) Enrico Dandolo (1192—1205) в собрании графа Nicolò Papadopoli. См. В. Cecchetti, № 3. 4) Pietro Ziani (1205—1229) в Музее в Падуе. См. В. Cecchetti, № 4.º

Только начиная с Jacobus Teupolo (1229—1249) буллы начинают быть известными в нескольких экземплярах. Наш экземпляр совершенно соответствует воспроизведенному Cecchetti, № 5, но, к сожалению, гораздо хуже сохранился.⁴⁵

В настоящее время наш фрагмент — обломок старейшего дошедшего до нас экземпляра дожа Венеции.

^o Nicolò Papadopoli в «Le Monete di Venezia» (Venezia, 1893. Gr. 8°) воспроизвел в рисунках буллы дождей: P. Ziani, O. Malipiero (raccolta Papadopoli), Enrico Dandolo (raccolta Papadopoli), G. Soranzo (Museo Correr), Jacopo Teupolo (Museo Correr), M. Falier (racc. Papadopoli), Raineri Zeno (Museo Correr), M. Steno (Museo Bottacin), F. Foscari (Museo Correr), C. Moro (Museo Correr), Pas. Malipiero (Museo Correr). (Pompeo Molmenti / Vita privata ed. V / — приведено изображение буллы Генриха Дандоло по дурному рисунку, не соответствующему действительности).⁴⁶

⁴⁴ Gloria A. Compendio delle lezioni teorico-pratiche di palcografia e diplomatica. Padova, 1878. P. 471; Romanin S. Storia documentata di Venezia. Venezia, 1854. Vol. II. P. 77. — Остров Раб (Арб), находящийся в заливе Кварнеро (между полуостровом Истрия и побережьем Хорватии) близ островов Прес и Крк, с начала XI в. попал под венецианское управление (и лишь в 1111—1115 гг. оказался под венгерской короной). В 1145 г. папа Евгений III подчинил епископов этих трех островов архиепископу Задара, который был поставлен в зависимость от патриарха Градо, давно уже проводившего провенецианскую политику. Остров Раб управлялся «князем», которого избирало ежегодно городское вече г. Раб, но непременно из числа венецианских нобилей, рекомендованных из Венеции. Достоинство «граф Арбский» сохранялось затем за исполнителем должности пожизненно как почетный титул. В свете изложенного понятно значение диплома и бывшей при нем печати, о которых пишет Н. П. Лихачев.

⁴⁵ Архив ЛОИИ СССР АН СССР, а. е. с., кол. 54, оп. 2, № 2.

⁴⁶ Molmenti P. La Storia di Venezia nella vita privata dalle origini alla caduta della Repubblica. Bergamo, 1910. Pt. 1.

Самый тип уже сменился раньше 1178 года. Печать⁴⁷ дожа Orio Malipiero (1178—1192) с иной композицией: судя по описанию буллы Sebastiano Ziani (1172—1178), сделанному в Promissione,⁴⁷ именно Orio Malipiero принял новый тип. Этот новый тип [третий устойчивый тип] начиная с Orio Malipiero изображает дожа и св. евангелиста в обратном порядке. Дож справа, держит бандьеру правой рукой, св. Марк (без тиары) сидит с левой стороны, то есть направо от зрителя, и держит бандьеру правой рукой.

Следующий, а всего четвертый тип мы находим на булле Rainerii Geno (или Zeno) — 1253—1268. Этот дож сначала употреблял буллы прежнего типа — св. Марк без тиары, сидящий, левой рукой на колене придерживает св. Евангелие (книгу). Наш экземпляр сохранился лучше, чем воспроизведенный у В. Cecchetti под № 7.⁴⁸ Второй вид буллы Rainerii Zeno видоизменяет положение св. Марка. На евангелисте архиерейская митра, он встал с кресла, правой рукой держит бандьеру, в левой, отведенной в сторону, — св. Евангелие, открытое. Этот четвертый тип продолжается на известных нам буллах дождей — Laurentius Teupolo, Jacobus Contareno, Johannes Dandolo, Petrus Gradonico.

Такую буллу дожа Петра Градениго (1287—1311), буллу в прекрасном образчике (отрезана от диплома и в земле не была), мы воспроизводим. Матрица совпадает с В. Cecchetti, № 11. Другой экземпляр восполняет несколько букв в надписи.⁴⁹

Воспроизводим того же типа:

1) Johannes Superantio (=Giovanni Soranzo) — 1312—1328 гг.; превосходнейший экземпляр, даже лучше того, что воспроизведен Cecchetti, № 12; очень ясны подробности, как дож держит свиток в левой руке (il volume della promissione ducale);⁵⁰ 2) Francesco Dandolo (1328—1339); экземпляр наш гораздо лучше, чем у Cecchetti, другой пополняет несколько букв;⁵¹ (в нашем собрании отсутствуют Bartholomaeus Gradonico, Andreas Dandolo, Marinus Faledro, Johannes Gradonico, Laurentius Celsi); 3) Johannes Delphino (1356—1361) — В. Cecchetti, 18; экземпляр с начавшейся порчей;⁵² 4) Andreas Contareno (1368—1382) — В. Cecchetti, 20; два экземпляра, пополняющих друг друга;⁵³ Antonius Venerio отсутствует, Michael Steno —

⁴⁷ Promissione ducale — документ, содержащий «обещание» дожа, даваемое им после избрания, включал перечень прав и обязанностей дожа. Впервые дано в 1152 г. Доменико Морозини. Появление «обещания» отразило процесс перемещения центра власти в Венеции от дожа к Большому совету, корпоративному органу нарождавшегося сословия нобилей.

⁴⁸ Архив ЛОИИ СССР, з. е. с., кол. 54. он. 2, № 3.

⁴⁹ Там же, № 4, 5.

⁵⁰ Там же, № 6.

⁵¹ Там же, № 7, 7а.

⁵² Там же, № 8.

⁵³ Там же, № 9, 10. — Хорошей сохранности также экземпляр при послании Андреа Контарини Амедею Савойскому 16 февраля 1375 г. (там же, кол. 6, карт. 186, д. 9).

при подлинной грамоте ⁵⁴ и 5) Michael Steno (1400—1413) — В. Cecchetti, 22; экземпляр неважный, не очень хорош, что при документе, у Cecchetti замечательно хороший;⁵⁵ 6) Thomas Mocenigo (1414—1423) — В. Cecchetti, 23; два экземпляра, из них один уже покрылся белым налетом;⁵⁶ к четвертому типу относятся и старшие буллы дожа Франческо Фоскари; 7) Francesco Foscari (1423—1457); три экземпляра второго варианта — В. Cecchetti, 24^b (с Francisc, а не Sc).⁵⁷

Е. Ю. БАСАРГИНА

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ТРАПЕЗУНД (1916 г.)

Среди поздневизантийских городов важное место принадлежит Трапезунду. Став в 1204 г. столицей империи, Трапезунд из провинциального города превратился в экономический центр обширного района Малой Азии, Закавказья и Передней Азии. Выгодное географическое положение и многовековые связи с Востоком содействовали тому, что Трапезунд стал крупнейшим черноморским импортом.

На протяжении XIII—XV вв., вплоть до захвата Трапезунда турками в 1461 г., Трапезундская империя была хранительницей культурных традиций Византийской империи, о чем, в частности, свидетельствует значительное количество сохранившихся памятников архитектуры и искусства, например окруженная стенами цитадель с остатками императорского дворца и ряд церковных памятников, важнейшими из которых являются церкви св. Софии, св. Евгения и Богородицы Златоглавой. Эти и многие другие церкви после 1461 г. были обращены в мечети и подверглись различным переделкам. В силу того что древности Трапезунда постоянно претерпевают изменения, а некоторые, особенно стенная живопись храмов, постепенно разрушаются, исключительную ценность для современных историков приобретают описания исторических памятников, которые оставили путешественники и ученые, посетившие Трапезунд в разное время.

⁵⁴ Грамота дсжа Дельфино Венерио, данная подеста и капитану Бреселло 19 июля 1410 г. (Архив ЛОИИ СССР АН СССР, кол. 6, карт. 186, д. 22).

⁵⁵ Архив ЛОИИ СССР АН СССР, кол. 54, оп. 2, № 12.

⁵⁶ Там же, № 13, 13а.

⁵⁷ Там же, № 16—18. — Экземпляры хорошей сохранности также при грамотах 3 марта 1441 г. (карт. 186, д. 32), 4 июля 1443 г. (карт. 187, д. 1), 26 мая 1444 г. (карт. 187, д. 2). — Окончание публикации см. в одном из следующих выпусков «Вспомогательных исторических дисциплин».